

К. А. Абдрахманов

**«...Купец это было — слово. А слово — это был купец»?
О взыскании долга с оренбургского купца А. К. Дойникова**

«Купеческое слово» как социокультурный феномен, характерный исключительно для коммерческого сословия России, упоминается в работах, описывающих нравы и деловую этику предпринимателей. Так, обращаясь к психолого-поведенческому портрету предпринимателя пореформенных лет, В. П. Микитюк говорит о трепетном отношении коммерсантов к «купеческому слову». «Занимаясь предпринимательской деятельностью, купцы особое внимание уделяли деловой репутации, стараясь выглядеть в глазах партнеров по бизнесу надежными поставщиками и аккуратными плательщиками», — отмечает автор¹.

Наше исследование предлагает на конкретном примере рассмотреть восприятие этой неофициальной устной гарантии людьми из торговой среды. В 1875 г. в канцелярии оренбургского генерал-губернатора рассматривались материалы судебной тяжбы между несколькими купцами города. Указанное разбирательство было инициировано «по жалобам оренбургского купца Дойникова на членов Оренбургского городского общественного банка, уездного суда и конкурсного управления по случаю принятых мер к взысканию с него долгов и объявления его несостоятельным должником»². В свою очередь, по ходатайству представителей кредитно-финансового учреждения против их оппонента было возбуждено «особое дело с полицейским дознанием о сокрытии Дойниковым части своих товаров»³. Стоит отметить, что Оренбургский городской общественный банк начал свою работу в июне 1864 г. и специализировался на обслуживании представителей мелкого и среднего бизнеса, к которым можно причислить и купца Дойникова⁴.

¹ Микитюк В. П. «Темное царство»? // Родина. 2009. № 12. С. 166.

² ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Зверькова Т. Н. Оренбургский городской общественный банк: пропущенные страницы и невыученные уроки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 10. С. 88–89.

Этот предприниматель средней руки не входил в оренбургскую деловую элиту, не владел дорогостоящей недвижимостью в городах региона, не инвестировал в создание крупных промышленных предприятий, а в основном занимался небольшими строительными подрядами в интересах казны.

Протестуя против решения о признании его должником и методов взыскания с него долга, купец Арефий Кириллович Дойников написал письмо императору Александру II, в котором излагал подробности дела, поставившего его в такое положение. «Ведя на хороших основаниях свою торговлю около 30 лет и собравши от нее прибыли, я принял на себя в 1869 году постройку во внутренней киргизской орде казенных ярмарочных зданий и при этом подрядил по условию уржумского и малмыжского купцов поставить мне на срок нужное количество леса. Между тем, подрядчики эти не только на срок, но даже и после оного не поставили мне и половины нужного количества леса, так что я, боясь и сам невыполнения принятого на себя в казне обязательства, употребил все, какие только можно, средства для довершения той постройки, и хотя выполнил оную как следует, но зато понес огромный ущерб в своем состоянии. Вслед за сим, как на довершение первого несчастья, случилось еще и второе — это пожар 1870 года, который истребил значительную части моего имущества. При таких именно обстоятельствах я начал уже кредитоваться и, между прочим, в городском общественном банке»⁵.

Если Арефий Дойников, пытаясь снять вину с себя самого, не клеветал на поставщиков строевого леса, то получается, что иногородние предприниматели просто обманули своего коллегу. Также остается открытым вопрос, каким путем Дойников получил указанный казенный подряд. М. И. Альбрет, описывая экономические правонарушения в купеческой среде, отметил, что при выполнении работ по результатам торгов, проводимым муниципальными или государственными структурами, частыми были подкупы должностных лиц со стороны купечества. «Все выгодные подряды для купцов и недобросовестное их выполнение производились при соучастии и взятках администрации» — указал краевед⁶.

Уместно будет привести один из примеров нечестного поведения оренбургских купцов при производстве торгов на казенные подряды.

⁵ ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3–3 об.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-290. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 213.

Так, в 1875 г. проживающий в Оренбурге и ведущий в нем коммерческую деятельность симбирский мещанин Александр Ефремов, иконостасных дел мастер, подал жалобу на местных купцов. Суть претензии заключалась в том, что, по словам Ефремова, некоторые городские предприниматели, благодаря использованию незаконных приемов во время проводившихся конкурсных торгов, были допущены к казенным поставкам⁷. В жалобе фигурировали фамилии девяти оренбургских купцов, среди которых были Н. Савинков, В. Юров, Ф. Попов, В. Горин «и другие, которые заблаговременно сговорились силой денег отстранить других явившихся на торги купцов»⁸. К сожалению, источник не содержит информацию о том, какую именно продукцию для государственных нужд поставляли обвиненные в коммерческом сговоре купцы. В доносе говорилось о том, что взятки от вышеназванных лиц за отказ участвовать в конкурсе получили купцы: Лебедев — в размере 1500 руб., Смирнов — 500 руб., Хохлов — 1000 руб., Башкатов — 300 руб., Истомин — 500 руб., и другие⁹. Общая сумма, потраченная на подкуп всех конкурентов, составила около 30 тыс. руб. Архивный документ не проливает свет на то, находились ли обвиненные в коммерческом сговоре купцы в коррупционных связях с городской администрацией по принципу круговой поруки, но расследование обернулось не в пользу истца. В ходе проведенных следственных действий информация Ефремова не подтвердилась и встал вопрос о возбуждении дела против самого доносчика¹⁰. Можно предположить, что нечестные предприниматели, как обычно, «силой денег» убедили местные власти в своей невиновности.

Объявленный должником А. К. Дойников обвинял правление кредитного заведения в том, что последние изначально запланировали нажать на его несчастьях. В продолжении письма к императору купец писал: «Члены банка явно уже выказали в отношении меня зловредную цель и, конечно, успели в том, потому что сильно пошатнули бывшее ко мне на стороне доверие, иначе, если бы члены банка хоть сколько-нибудь благоприятствовали мне и не затаивали умысла, то при нежелании дать мне отсрочку они бы прямо отказали в принятии от меня отсрочного векселя и не продержали бы

⁷ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Ед. хр. 14449. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 7 об.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 44.

оного в течение 20 дней»¹¹. Кроме общественного банка купец 2-й гильдии Дойников задолжал и своим коллегам, в том числе 1000 руб. купцам Мошковым, и 700 руб. купцам Мохниним¹².

Также Дойников в послании российскому монарху утверждал, что против него целенаправленно интриговали другие оренбургские купцы — Волоцков, Попов (купец 1-й гильдии Иван Тимофеевич Попов являлся директором городского общественного банка) и Гусев (был товарищем директора банка). «Причиною прекращения моей торговли и остановки платежей были интриги Волоцкова, Попова и Гусева»¹³, — указывал на обидчиков Арефий Дойников.

Выше уже говорилось, что в деловом мире Оренбуржья присутствовала сословная солидарность, а, следовательно, практиковались различные виды обоюдной поддержки между коммерсантами¹⁴. Поэтому нет ничего удивительного в том, что члены правления банка изначально способствовали выдаче терпящему финансовое бедствие Дойникову денежного займа. И. Т. Попов в письме чиновнику по особым поручениям при оренбургском генерал-губернаторе Шмотину дал следующее описание сложившейся ситуации: «<...> такая личность как Дойников, которому настолько сделано от членов банка снисхождения, он за доброе дело их же называет злейшими врагами. Тогда как мы много за него хлопотали перед обществом через городского голову, но мы не могли, исполняя закон, по долгу присяги и совести оставить без взыскания значительной ссуды, взятой им под честным именем купца из городского общественного капитала, принадлежащего сиротам и частным лицам, которые поздно или рано потребуют от банка возврата. Дойников же, само собой разумеется, решился таковые не платить»¹⁵.

Несмотря на то, что еще с начала 60-х годов XIX в. в России стартовал период интенсивного оформления кредитного рынка, когда многие крупные имперские города стали обзаводиться собственными

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 23.

¹³ Там же. Л. 30.

¹⁴ Ланаева М. Г. Современные реалии и исторические традиции формирования бизнес-сообщества Оренбуржья // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 2. С. 45.

¹⁵ ОГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 169.

кредитно-финансовыми учреждениями, в Оренбургской губернии все же наблюдался существенный дефицит заемных капиталов. Проблемы с источником финансирования для частных коммерческих предприятий наблюдались и в других провинциальных городах, особенно расположенных далеко от европейского центра. Один из авторов астраханской газеты «Волга» оставил в 1864 г. наблюдение о трудностях кредитования в России. «У нас нет общественных банков, зато есть капиталисты, которые готовы давать деньги под верные залоги при ужасных процентах, иногда они рискуют ссудами и без залогов, но только в таком случае лицо, берущее взаймы, должно быть само по себе богато, известно и вообще пользоваться значением между капиталистами. Люди, имеющие малые капиталы и только что выбивающиеся на свет Божий, могут быть уверенными, что без залога и гроша не получают. Из этого следует, что кредит у нас есть некоторого рода привилегия, которой могут пользоваться люди достаточные, т. е. такие, которые в крайнем случае могут обойтись и без этого кредита», — писал неназванный современник событий¹⁶. Ориентируясь на эти сведения, можно оценить лояльное отношение правления Оренбургского общественного банка к нужде купца Дойникова, благодаря которому ненадежный заемщик сумел получить кредит без регистрации залога.

В приведенном тексте видно, насколько велика в указанный период была сила купеческого слова. То есть, используя профессиональный авторитет в торговой среде, предприниматель мог без оформления большого количества бумаг и различных материальных гарантий проводить операции на довольно крупные суммы кредитных средств. Если обвинения Ивана Попова в адрес Арефия Дойникова были обоснованы, то поведение последнего совсем не соответствовало представлениям о купеческой чести. В мемуарах российского политического деятеля В. В. Шульгина, описывающих российскую действительность 1925 г., упоминалось об уважительном отношении коммерсантов к данным обещаниям в дореволюционный период. «Если уж сказал, — кончено. Больше тебе ничего не надо. Почему? Потому что купец это было — слово. А слово — это был купец», — подчеркнул во время беседы святость делового зарока попутчик В. В. Шульгина — бывший купец, оставшийся неизвестным¹⁷. Этот некогда бывший членом делового сообщества

¹⁶ Волга. 1864. 16 дек. (№ 50). С. 2.

¹⁷ Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 208.

пассажир поезда тосковал по тем временам, когда заключенное на словах соглашение позволяло купцам получить выгодный подряд, заказать производство какой-либо продукции без залоговой суммы или выписать большую партию дорогого товара без предоплаты. «А теперь на самую пустяковину, на то, что и смотреть нечего, он мне сейчас тащит бумагу, условия, векселя, подписывать контракт, да что вы, в самом деле? Не могу я этого понять. Как так дела делать? Не то чтобы семьдесят вагонов отправить по одному слову, а из-за одного вагона семьдесят человек на тебя набрасываются!», — критиковал советскую бюрократию потомственный коммерсант¹⁸.

То, что фактор деловой репутации имел важное значение в коммерческом мире дореволюционной России, подтверждает следующий материал. Существует версия, что троицкий купец 1-й гильдии Г. А. Башкиров, находясь на Нижегородской ярмарке в 1908 г. и будучи «в крепком подпитии»¹⁹, необдуманно похвалился перед другими участниками застолья, что в провинциальном Троицке имеется роскошная гостиница европейского уровня. Пойти на обман Башкиров решил потому, что в процессе общения некоторые купцы высказались о своем нежелании посещать Троицкую ярмарку именно из-за отсутствия в городе полноценных гостиниц для приезжающих по делам коммерсантов. Не желая быть уличенным во лжи и лишиться репутации честного человека, Башкиров заключил с тремя купцами пари о том, что выдуманная им гостиница вполне реальна и пригласил своих «оппонентов» ровно через год посетить ярмарку в Троицке, чтобы убедиться в истинности его слов. На самом же деле «на тот момент Троицк располагал лишь постоянными дворами да меблированными номерами»²⁰, поэтому Башкирову пришлось срочно возводить выдуманное им здание, так как «дал в горячке слово — приходится держать его.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Гостиница Г. А. Башкирова в Троицке // Челябинский краевед : [блог пользователя блог-платформы LiveJournal]. 2012-08-02. URL: <https://kraeved74.livejournal.com/1348.html> (дата обращения: 18.01.2023). Оpubл.: Леканова С. Н., Оленьков В. Д., Ганченко В. Н. Архитектурный памятник в стиле модерн — биржевая гостиница купца Башкирова в г. Троицке Челябинской области // Модерн: взгляд из провинции : сборник докладов научно-практической конференции (16–18 марта 1994 г.). Челябинск, 1995. С. 38–44.

²⁰ Там же.

Иначе — позор и конец купеческой карьере»²¹. Если этот случай был реальным событием, то троицкий коммерсант сумел сохранить честное имя и вышел победителем спора, так как современный гостиничный комплекс, построенный в стиле русского модерна, открыл свои двери для посетителей уже в 1909 г.

Чрезвычайно интересным представляется тот факт, что А. К. Дойникова в процессе реализации проекта по строительству новых ярмарочных помещений во «внутренней Орде при Ахунском хуторе»²² неоднократно преследовала череда неудач. В декабре 1874 г. предприниматель писал оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому о возникших трудностях при оплате его участия в казенном строительном подряде. По словам самого Дойникова, он и купец Алексеев, который и заключал договоры со структурами, контролировавшими строительство степной ярмарки, взяли на себя обязательства по возведению новых торговых лавок, разделив их пополам. Из 3824 руб. 97,5 коп., причитавшихся Алексееву за работу, А. К. Дойников должен был получить 1912 руб. 48,5 коп.²³ Мероприятия по закупке стройматериалов, доставке их к месту строительства и поиску работников потребовали дополнительного финансирования, вследствие чего купец Алексеев взял заем в Инженерном управлении. После сдачи объектов Инженерное управление «за долг, причитающийся от Алексеева» получило 2465 руб. 91 коп. из 3824 руб. 97,5 коп., назначив к выплате основному подрядчику всего 1359 руб. 6 коп.²⁴ А. К. Дойников из этой суммы не получил вообще ничего. Требуя справедливости, предприниматель заверял Крыжановского в том, что он, в отличие от Алексеева, выполнил свои обязательства в полном объеме и не имел представления о действиях компаньона. Оренбургский купец просил генерал-губернатора о содействии в «выдаче мне полностью оставшихся 1359 р. 6 к., а так как мне кроме этих денег причитается еще 553 р. 42 к. из числа 2465 р. 91 к., высланных в Инженерное управление для пополнения ими долга Алексеева сему управлению <...>»²⁵.

Возвращаясь к проблемам предпринимателя, датированным 1869 г., отметим, что в процессе сбора доказательств вины или

²¹ Гостиница Г. А. Башкирова в Троицке.

²² ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Ед. хр. 209. Л. 13.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

невиновности А. К. Дойникова, следователи так и не смогли определить потерпевшую сторону, а потому дело было направлено на рассмотрение оренбургского генерал-губернатора²⁶. От его решения теперь зависела дальнейшая судьба следствия: продолжить ли сбор доказательств вины или невиновности Дойникова или оставить в силе первоначальное решение судебной палаты о признании предпринимателя несостоятельным должником и помещении его под арест. Объем информации, содержащийся в материалах архива, к сожалению, не позволяет определить источник проблем коммерсанта. Возможно, его тяжелое финансовое положение было связано с безответственным поведением партнеров купца, либо причиной убытков и потери деловой репутации послужили махинации самого Дойникова.

²⁶ Там же. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 171.